

Ормузский рубеж

Ситуация на рынке нефти сегодня позволяет говорить о важной и, на мой взгляд, сформировавшейся тенденции – целенаправленном манипулировании рынком со стороны администрации США. Вероятно, эта новая реальность уже не является рыночной аномалией, но определяет новую нормальность на рынке нефти, а вслед за ним, видимо, и на других товарных рынках.

Есть два разных рынка: рынок физической и рынок бумажной нефти. И с начала века США являются price maker на обоих. По сути, как крупнейший игрок, США непосредственно влияют на конъюнктуру цен. В отличие от России, которая в одиночку является на обоих рынках нефти price taker. То есть наша страна принимает те цены, которые устанавливаются на мировых рынках, увы, не нами, и лишь в рамках коллективных действий ОПЕК+ может оказывать опосредованное влияние на динамику цен. Поэтому Россия иногда бывает в выигрыше – например, когда цены на физическую нефть идут вверх (как сейчас, в результате войны в Заливе). Это так называемый эффект фри-райдера (free-rider effect). То есть мы выигрываем в краткосрочном плане от высоких цен на рынке физической нефти. И краткосрочно проигрываем, когда другие игроки играют на этом рынке на понижение. Но мы в отличие от США не можем извлекать выгоду от колебаний цен на рынке бумажной нефти. Потому что присутствие России на рынке – нефтяных фьючерсов и нефтяных финансовых деривативов – остается, с моей точки зрения, на уровне статистической погрешности или даже ниже этого уровня.

РЫНОК ФИЗИЧЕСКОЙ НЕФТИ

Существующая неопределенность с возможностями транспортировки через Ормузский пролив, который то закрывается, то открывается для любых судов в обоих направлениях действиями США и ответными действиями Ирана, держит на высоком уровне мировые цены на нефть с немедленной поставкой, поскольку через этот пролив до начала «третьей войны в Заливе» 28 февраля нынешнего года проходило ежедневно 120–140 судов, обеспечивая четверть мировой морской торговли нефтью и пятую часть мирового потребления нефти и нефтепродуктов, а сейчас – лишь изредка по несколько судов в день. Страховые тарифы выросли в 12 раз с довоенного времени – с 0,25 до 3% от стоимости судна. Часть крупных страховщиков отказалась от покрытия военных рисков для судов, следующих через регион. Поэтому на дефицит предложения (выпал объем поставок через Ормуз) наложился дефицит нефтеналивного флота и резко взлетевшая его дороговизна (по различным оценкам, до 1500–2000 судов, большая часть из которых – танкеры, оказались заперты в Заливе).

Альтернативные возможности для экспорта нефти из района Персидского залива ограничены – суммарные мощности обходных нефтепроводов у Королевства Саудовской Аравии (KCA) и Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ) составляют порядка 40% регулярного нефтяного трафика через Ормуз. У KCA это нефтепровод Восток – Запад (Petroline) в порт Ямбу на Красном море. Его пропускная способность увеличена в I квартале 2026 г. с 5 млн до 7 млн барр./сутки. Из Ямбу танкеры класса

Андрей Конопляник
член научного совета РАН
по системным исследованиям
энергетики

Suezmax (150 000 т, или 1 млн барр. нефти) идут на север – через Суэцкий канал и параллельный ему нефтепровод Sumed на Европу. Суда класса VLCC (200 000–320 000 т, или 1,5–2,3 млн барр.) и/или ULCC (320 000–550 000 т, или 2,3–4 млн барр.) идут из Ямбу на юг – через Баб-эль-Мандебский пролив в Индийский океан и далее в АТР или Атлантический бассейн. У ОАЭ это нефтепровод Хабшан – Фуджейра в Оманский залив пропускной способностью 1,8 млн барр./сутки. На 50% готов новый параллельный нефтепровод, завершить строительство которого планируется в 2027 г., что удвоит экспортные мощности ОАЭ в порту Фуджейра.

Но недавно Иран расширил зону своего военного контроля над Ормузским проливом до Фуджейры включительно, которая теперь входит в зону его «ответных» обстрелов. А йеменские хуситы в июле 2026 г. активизировали атаки на суда в Красном море на фоне конфликта США и Ирана. Это фактически может привести к блокировке и обходных путей вывоза нефти из Персидского залива, что еще больше взвинтит нефтяные цены.

Все это к выгоде для экспортеров вне Персидского залива, т. е. для тех, которые не связаны с поставками через узкие горла Ормузского или Баб-эль-Мандебского проливов и Суэцкого канала. В первую очередь для США, третьего крупнейшего нефтеэкспортера после KCA и России. США не связаны ограничениями по добыче в отличие от России и KCA, которые сдерживают ее в рамках соглашения ОПЕК+.

Для США выгодно продолжать экспорт, в том числе распродавая нефть из резервов, закупленную в них ранее по более низким ценам, получая краткосрочную выгоду. В июне 2026 г. объем стратегического нефтяного резерва США достиг трехлетнего минимума, а объем коммерческих запасов нефти – 20-летнего минимума (самого низкого уровня с 2004 г.). При этом в США рассчитывают, что они могут в краткосрочном плане в нынешних условиях нарастить добычу. Идет расширение бурения на сланцевые углеводороды. В середине июля число буровых установок достигло 588 – максимума с весны 2025 г., три четверти из них – нефтяные. Но следует понимать, что сегодня увеличение числа буровых установок дает мультипликативный рост проходки (объемов бурения). Это эффект наклонно направленного и горизонтального бурения, с забуриванием нескольких скважин с одной буровой установки (из одного ствола), с множественным гидроразрывом пласта на горизонтальных участках скважин (максимальное достигнутое отклонение скважины от ее ствола сегодня порядка 12 км).

Поэтому, полагаю, в США ожидают быстрой отдачи (и своевременной компенсации срабатывания накопленных коммерческих и стратегических запасов нефти) за счет роста сланцевой добычи. Ведь у сланцевой нефти короткий инвестиционный цикл (порядка трех лет), быстрая отдача инвестиций. Сланцевая добыча – это, по сути, конвейер по бурению.

США нужны высокие цены на нефть на физическом рынке, для того чтобы можно было обеспечить возмещение выбытия действующих мощностей в основном нефтедобывающем Пермском бассейне, который выходит (или уже вышел?) на пик добычи. Для этого мировых цен на уровне плюс-минус \$60/барр., державшихся до войны в Заливе, уже недостаточно. Вот для этого нужно поддерживать неопределенность с Ормузским проливом, его блокировку Ираном – к выгоде США. Если в дополнение к Ормузу возникнет долгосрочная аналогичная ситуация в Баб-эль-Мандебском проливе, через который проходит около 10% мировой морской торговли нефтью, или тем более в Малаккском (22%, больше, чем через Ормуз), это еще сильнее будет действовать в пользу и в интересах США (а разговоры о возможном введении разрешительного платного прохода судов через оба пролива по аналогии с Ормузом уже начались). И обеспечивать высокими ценами на нефть короткий инвестиционный цикл сланцевой добычи и возмещение выбытия более дешевых мощностей Пермского бассейна более дорогими замещающими мощностями других сланцевых бассейнов (Аппалачского и др.). При этом США в отличие от России не испытывают физических ограничений с экспортной транспортной инфраструктурой.

Для нашей же страны помимо ограничений по добыче в рамках ОПЕК+ действуют новые физические ограничения экспорта в результате ударов ВСУ Украины (читай – НАТО) по нашей экспортной инфраструктуре на Балтике и в Черном море, по нефтяной инфраструктуре внутри страны. Удары БПЛА по российским НПЗ и нефте-

стоять же неожиданно закрывается, когда США наносят очередной «дисциплинирующий» удар по Ирану, а тот отвечает «ударом на удар» (по военным базам США и/или по инфраструктуре союзников США в регионе) и вновь перекрывает Ормуз. Такая неопределенность с режимом пропуска судов через Ормузский пролив позволяет США удерживать ситуацию в режиме ценовых качелей и играть в свою пользу и в своих интересах на рынке бумажной нефти. Поскольку крупнейшими игроками на рынке бумажной нефти и производных финансовых инструментов (нефтяных финансовых деривативов) являются крупнейшие американские инвестиционные банки. Поэтому, покупая и продавая нефтяные фьючерсы, они безостановочно зарабатывают, причем на движениях цен что вверх, что вниз. И главным здесь становится информированность игроков на рынке бумажной нефти о грядущих изменениях вокруг Ормуза.

Считается, что на этих «неожиданных изменениях» могут в первую очередь зарабатывать приближенные к Трампу финансовые структуры. Кто проинформирован о грядущих решениях Трампа, тот в выигрыше. «Твиты Трампа» уже некоторое время назад стали анализироваться западными аналитиками как инструмент формирования фьючерсных нефтяных котировок. Объявляет Трамп о грядущем перемирии с Ираном, что приведет к открытию Ормуза, – фьючерсные котировки идут вниз, время покупать фьючерсы по низкой цене. Неожиданно произошел обмен ударами с Ираном – фьючерсы взлетают вверх, время их продавать. Кто заблаговременно проинформирован, тот на этом зарабатывает.

Например, в прессе разошелся эпизод от 23 марта сего года, когда анонимные трейдеры заработали на poste Трампа о перемирии с Ираном почти \$600 млн. За 15 минут до его заявления число торгуемых контрактов с нефтью WTI на Нью-Йоркской товарно-сырьевой бирже NYMEX подскочило в течение одной минуты с 733 до 2007, а нефти Brent – с 2 до 1600. Как пишут СМИ, подобные истории стали

Для США выгодно продолжать экспорт, в том числе распродавая нефть из резервов, закупленную в них ранее по более низким ценам, получая краткосрочную выгоду

базам привели к возникновению краткосрочного топливного кризиса, для купирования которого был введен в том числе запрет на экспорт нефтепродуктов. А теперь в дополнение к этим ограничениям 21-й санкционный пакет ЕС фактически узаконил антисанкционное «нефтяное пиратство», что является дополнительным логистическим риском (читай – ограничением) для российского морского экспорта.

Таким образом, США прямо и опосредованно устраняют двух основных своих конкурентов с рынка физической нефти – страны Персидского залива во главе с KCA и Россию, поднимая в своих прагматических экономических интересах на этом рынке цены в зону плюс-минус \$100/барр.

РЫНОК БУМАЖНОЙ НЕФТИ

После 28 февраля Ормузский пролив закрыт большую часть времени. Но он то открывается на короткое время, когда неожиданно объявляется очередное американо-иранское перемирие, то вновь

скорее нормой на американском рынке во время правления Трампа. Отдельные эпизоды образуют устойчивый паттерн: кто-то раз за разом делает точные ставки незадолго до того, как Белый дом меняет картину мира в нужном направлении, причем не только на рынке нефтяных фьючерсов, но и на широко распространившемся рынке прогнозов (когда пользователи ставят деньги на события в реальном мире).

Политика всегда влияла на экономику, но при Трампе связь приобрела черты инсайдерского бизнеса. Аномальные скачки объемов торгов нефтью за минуты до заявлений Белого дома стали новой нормой Уолл-стрит. Журнал The Economist в ноябре 2025 г. придумал для происходящего специальный термин – «инсайдерский капитализм». Потому следует понимать, что физический и фьючерсный рынки – это разная динамика, разная мотивация, разные системы принятия решений. Но США и там и там сегодня являются основными бенефициарами.

АВТОР / БЕЛОМОСЬИ

ВЕЩЬ НЕДЕЛИ

Ядерная гарантия

Роман Романов
обозреватель отдела
«Международный опыт»

Военное министерство США разрабатывает новую концепцию ядерного сдерживания при подготовке новой версии ядерной стратегии страны. Как сообщил телеканал NBC News, документ подчеркивает возможность применения тактического оружия на носителях меньшей дальности на случай регионального конфликта, если их союзники будут под угрозой удара со стороны России или Китая.

Это меняет многолетнюю практику Пентагона ориентироваться на применение стратегического оружия. Согласно пока действующим «Обзору ядерной политики» и «Руководству по применению ядерного оружия», его применение возможно только в «экстремальных условиях для защиты жизненно важных интересов США».

Разница между тактическим и стратегическим ядерным оружием заключается как в дальности и (в ряде случаев) мощности, так и в их назначении. Первое обычно считается оружием «поля боя», второе существует для уничтожения стратегических целей вплоть до городов.

Ядерная стратегия США пересматривается и дорабатывается практикой каждой новой президентской администрации. Последнее обновление было сделано в ноябре 2024 г. – за несколько месяцев до окончания срока полномочий экс-президента Джо Байдена (2021–2025). Ее основные постулаты выстраивались вокруг перспектив применения стратегического ядерного оружия. В образце документа времен первой трамповской администрации (2017–2021), выпущенного в 2018 г., стратегический арсенал тоже был представлен в качестве основного и крайнего инструмента сдерживания, но с оговорками о необходимости наращивания тактического вооружения.

Сторонники нового подхода, в первую очередь разработчик новой стратегии заместитель военного министра Элбридж Колби, утверждают, что это усилит страх противников Вашингтона и, соответственно, лишь упрочит американскую политику сдерживания таких стран, как Китай и Россия. Противники, наоборот, относятся к нововведениям как к фактически сокращению возможностей президента отсрочить или избежать ядерного столкновения. Их аргумент прост: примените ядерное оружие в отношении ядерной державы (прямо или косвенно) – и непременно будет ответ.

Ускорение ядерной гонки и без этого было гарантировано. Администрация Трампа фактически уничтожила систему контроля над вооружениями. В этих условиях стремление усилить роль тактического ядерного оружия в перспективе создает возможности для резкой эскалации. Это подходит лично Трампу, который считает умеренность риторики слабостью, а способность внушать страх – главной силой.